

оригинальная статья

eLibrary EDN: DQYVXA

Дискриминационные установки и поведенческие паттерны в контексте ксенофобии: роль социально-психологических факторов и механизмов оправдания

Волынчик Никита Викторович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, Саратов

<https://orcid.org/0009-0001-9010-289X>

mr.volynchik2010@yandex.ru

Аннотация: В условиях роста поликультурности и социальной мобильности современные общества сталкиваются с распространением ксенофобских настроений и дискриминационного поведения, что актуализирует необходимость изучения их социально-психологических механизмов. Цель – провести комплексный анализ вклада социально-демографических, психологических и идеологических факторов в различные поведенческие паттерны ксенофобии и выявить ключевые аргументы их оправдания. Проведен анонимный онлайн-опрос с использованием адаптированных методик диагностики авторитаризма, социального доминирования, экономических страхов, удовлетворенности жизнью, идентичности и этнических контактов. В исследовании приняли участие 400 человек в возрасте от 25 до 45 лет ($M = 34,7$; $SD = 5,7$), среди которых 42 % мужчин и 58 % женщин. Все респонденты являются гражданами Российской Федерации и постоянно проживают на ее территории. В результате установлено, что ключевыми предикторами дискриминационного поведения выступают экономические страхи, авторитаризм и низкая удовлетворенность жизнью. Выявлена дифференцированная роль идентичности: этническая (русская) идентичность усиливает ксенофобские установки, тогда как гражданская (российская) идентичность снижает их. Наиболее мощным протективным фактором оказались позитивные этнические контакты, подтверждающие гипотезу контакта Г. Олпорта. Регрессионные модели объяснили от 77,9 % до 96,6 % дисперсии поведенческих паттернов. Выявлена необходимость комплексного подхода к снижению ксенофобии, который включает меры по уменьшению экономической тревожности, развитию гражданской идентичности и стимулированию позитивного межгруппового взаимодействия.

Ключевые слова: ксенофобия, дискриминационное поведение, авторитаризм, социальное доминирование, экономические страхи, межгрупповые контакты, этническая идентичность, российское общество

Цитирование: Волынчик Н. В. Дискриминационные установки и поведенческие паттерны в контексте ксенофобии: роль социально-психологических факторов и механизмов оправдания. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 2. С. 252–264. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-252-264>

Поступила в редакцию 02.09.2025. Принята после рецензирования 20.11.2025. Принята в печать 24.11.2025.

original article

Discriminatory Attitudes and Behavioral Patterns in Xenophobic Context: Socio-Psychological Factors and Justification Mechanisms

Nikita V. Volynchik

Saratov State University, Russia, Saratov

<https://orcid.org/0009-0001-9010-289X>

mr.volynchik2010@yandex.ru

Abstract: Rising multiculturalism and social mobility contribute to the escalation of xenophobic sentiments and discriminatory behavior. This article examines the impact of socio-demographic, psychological, and ideological factors on various behavioral patterns of xenophobia, including the way they are justified. The research was based

on an anonymous online survey utilizing adapted diagnostic tools for authoritarianism, social dominance, economic fears, life satisfaction, identity, and ethnic contact. The study involved 400 Russian citizens aged 25 to 45 ($M = 34.7$; $SD = 5.7$; 42% male, 58% female). Economic fears, authoritarianism, and low life satisfaction emerged as the key predictors of discriminatory behavior. The role of identity was differentiated as follows: ethnic (Russian) identity strengthened xenophobic attitudes while civic (Russian) identity reduced them. Positive ethnic contact appeared to be the most powerful protective factor, confirming Gordon Allport's contact hypothesis. Regression models explained between 77.9 and 96.6% of the variance in behavioral patterns. Addressing xenophobia requires a comprehensive approach, including measures to reduce economic anxiety, foster civic identity, and stimulate positive intercommunity interaction.

Keywords: xenophobia, discriminatory behavior, authoritarianism, social dominance, economic fears, intercommunity contacts, ethnic identity, Russian society

Citation: Volynchik N. V. Discriminatory Attitudes and Behavioral Patterns in Xenophobic Context: Socio-Psychological Factors and Justification Mechanisms. *SibScript*, 2026, 28(2): 252–264. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-252-264>

Received 2 Sep 2025. Accepted after peer review 20 Nov 2025. Accepted for publication 24 Nov 2025.

Введение

Современные общества, характеризующиеся высокой мобильностью и поликультурностью, сталкиваются со значительным вызовом – распространением дискриминационных установок и ксенофобских настроений [Van Zomeren, Winnifred 2017]. Эти явления не только усложняют процессы межгруппового взаимодействия и интеграции, но и служат психологической основой для оправдания социального неравенства, нетерпимости и нарушения прав человека [Гулевич и др. 2014]. В условиях социально-экономической нестабильности предубеждения в отношении мигрантов и других «чужаков» обостряются, проявляясь в различных поведенческих паттернах – от вербальной дискриминации до активного противодействия [Bubnova 2023; Sibley, Duckitt 2009]. В этой связи комплексное изучение социально-психологических механизмов, лежащих в основе оправдания ксенофобии, представляется чрезвычайно актуальной научной задачей, имеющей важное прикладное значение для разработки мер по снижению межгрупповой напряженности [Егорова 2018].

Проблема предубеждений и дискриминации имеет долгую историю в социальной психологии. Так, зарубежный исследователь Г. В. Олпорт заложил основы понимания природы предрассудков, определяя их как негативную установку, основанную на ошибочной и жесткой генерализации. Он подчеркивал, что ксенофобия как форма межгрупповой враждебности коренится в страхе перед непохожими «другими» и может проявляться в широком спектре

поведений – от злых шуток до дискриминации и насилия [Allport 1954; Verkuyten 2024].

Значительный вклад в развитие представлений о психологических основаниях дискриминационных установок внесла теория социального доминирования (*social dominance theory*) [Sidanius, Pratto 1999] и концепция авторитаризма правого толка (*Right-Wing Authoritarianism – RWA*) [Duckitt, Sibley 2016]. Согласно данным подходам, установки индивидов по отношению к социальным иерархиям и нормам являются ключевыми предикторами предвзятого отношения к аутгруппам [Wilson, Liu 2003]. Ориентация на социальное доминирование (*Social Dominance Orientation – SDO*) отражает желание главенствовать над другими и поддерживать групповую иерархию, в то время как RWA характеризуется податливостью власти, агрессией по отношению к тем, кто нарушает традиционные нормы и приверженность общепринятым ценностям [Гулевич и др. 2018; Почебут, Безносков 2018]. Эти два конструкта, хотя и взаимосвязаны, предсказывают различные аспекты дискриминационного поведения и оправдания ксенофобии [Кашпур, Ракин 2024; Kteily et al. 2019].

Изучению проблемы ксенофобии и дискриминации также посвящены и труды отечественных ученых. Они раскрывают структуру и факторы дискриминационных установок в российском контексте [Шамионов 2023], анализируют различные формы дискриминации, подчеркивая, что ксенофобия является одним из наиболее распространенных

ее видов, который формируется под влиянием исторических, культурных и личностных факторов [Бубновская 2016]. Кроме этого, разработка Д. С. Григорьева, направленная на адаптацию методик диагностики RWA и SDO, позволила эмпирически исследовать эти феномены на российской выборке [Григорьев 2017].

В качестве мощного фактора, который снижает уровень предубеждений, выступает гипотеза контакта (*contact hypothesis*), сформулированная Г. В. Олпортом и подтвержденная другими исследователями [Pettigrew, Tropp 2008]. Согласно ей, непосредственные позитивные контакты между группами при условии равенства статуса, общих целей и институциональной поддержки способствуют уменьшению стереотипов и межгрупповой тревоги.

Помимо ключевых идеологических ориентаций (RWA и SDO), выделяется комплекс социально-демографических и психологических переменных, которые значимо влияют на формирование ксенофобских установок и поведенческих паттернов [Егорова 2018].

Данные о связи возраста, образования и дохода с уровнем предубеждений неоднозначны, но в целом свидетельствуют о том, что более молодые, более образованные и экономически благополучные группы демонстрируют меньший уровень ксенофобии, что связывают с большим когнитивным ресурсом, толерантностью и меньшей конкуренцией за ресурсы [Карцева, Кузнецова 2023]. Религиозные воззрения и сила религиозных убеждений также могут играть амбивалентную роль: с одной стороны, религия может проповедовать терпимость, с другой – способствовать укреплению групповых границ и негативному восприятию иноверцев [Hall et al. 2010]. Профессиональная деятельность и профессиональный статус могут влиять на восприятие мигрантов как экономических конкурентов, особенно в низкостатусных профессиональных группах [Колесникова, Панкратьев 2019].

Уровень психологического благополучия и удовлетворенности жизнью является важным предиктором ксенофобских настроений [Duckitt 2006]. Согласно теоретическим представлениям, низкое субъективное благополучие может способствовать поиску «козлов отпущения» и проекции собственных проблем на аутгруппы [Кушнерук 2023]. Экономические страхи, актуализирующиеся в периоды нестабильности, напрямую связаны с поддержкой антииммиграционных мер

и дискриминационным поведением через механизм реалистического конфликта за ограниченные ресурсы [Баринев 2018].

Сила этнической идентичности (в нашем случае русской) может по-разному влиять на межгрупповые установки. Сильная этническая идентичность, особенно если она построена по принципу противопоставления «другим», часто коррелирует с повышенным уровнем предубеждений [Дробижева 2002]. Напротив, суперординарная, гражданская (русская) идентичность может выступать фактором, объединяющим различные этнические группы и снижающим уровень напряженности [Рыжова 2018]. В нашей статье эти два типа идентичности рассматриваются как независимые конструкты. Наиболее мощным фактором снижения предубеждений является непосредственный позитивный опыт этнических контактов, который разрушает стереотипы и снижает межгрупповую тревогу [Pettigrew, Tropp 2008].

Таким образом, дискриминационное поведение является многофакторным феноменом, обусловленным сложным взаимодействием идеологических установок (RWA, SDO), социально-демографического статуса, психологического состояния личности и особенностей ее идентичности и межгруппового опыта. Однако менее изученными остаются вопросы о том, какой именно вклад каждый из этих блоков переменных вносит в предсказание конкретных поведенческих паттернов (избегание, вербальная агрессия, дискриминация в потреблении и т.д.) и какова роль механизмов психологического оправдания этих действий.

Цель исследования – провести комплексный анализ вклада социально-демографических, психологических и идеологических переменных в различные поведенческие паттерны ксенофобии и выявить ключевые аргументы их оправдания. Задачи:

- 1) определить распространенность различных поведенческих паттернов дискриминации;
- 2) установить взаимосвязи между дискриминационными паттернами и социально-демографическими (возраст, образование, доход, религиозность, профессиональная деятельность), психологическими (психологическое благополучие, удовлетворенность жизнью, экономические страхи) и идеологическими (RWA, SDO) факторами, а также переменными идентичности и контактов (этническая (русская) идентичность / гражданская (русская) идентичность, этнические контакты);

3) построить регрессионные модели для прогнозирования различных форм дискриминационного поведения на основе выявленных социально-психологических предикторов;

4) проанализировать содержание основных аргументов (оправданий), используемых респондентами для объяснения своей ксенофобии.

Методы и материалы

Для оценки поведенческих паттернов в контексте ксенофобии, а также оценки религиозных воззрений, их силы, профессионального статуса, удовлетворенности жизнью, экономических страхов, идентичности, этнических контактов использована авторская анкета. Респондентам было предложено принять участие в анонимном опросе на тему «Социально-психологические механизмы и факторы принятия ксенофобии» (2024 г.) размещенном в Google Forms. Она включает специально разработанные шкалы (с шагом в 5 пунктов) с предложением оценить, насколько респонденты согласны с выражениями по пятибалльной шкале (где 5 – согласны в максимальной степени, а 1 – совсем не согласны). Для оценки RWA, SDO, веры в опасный мир и веры в конкурентный мир использовалась короткая версия методики Дж. Даккита, адаптированная Д. С. Григорьевым [Григорьев 2017]. Она включает 16 вопросов, распределенных по ряду шкал: с шагом в 9 пунктов – авторитарное подчинение, авторитарная агрессия, конвенционализм, доминирование, эгалитаризм; и, с шагом в 7 пунктов – вера в опасный мир, вера в конкурентный мир.

В исследовании приняли участие 400 человек в возрасте от 25 до 45 лет ($M = 34,7$; $SD = 5,7$), среди которых 42 % мужчин и 58 % женщин. Все респонденты являются гражданами Российской Федерации и постоянно проживают на ее территории. Высшее образование имеют 84,6 % респондентов, 9,5 % – среднее специальное и 5,9 % – неоконченное высшее. Большинство опрошенных (63,2 %) состоят в браке. По уровню доходов 59,4 % респондентов относятся к группе с достаточно высоким доходом (61 тыс. руб. и более), а 19,8 % имеют доход 46–60 тыс. руб. В религиозном составе преобладают христиане (67,4 %), мусульмане составляют 30,8 % выборки. При этом абсолютное большинство респондентов (91,0 %) отмечают слабую силу своих религиозных убеждений. Выборка является преимущественно городской: 92,3 % участников исследования проживают в городе.

Анализ данных проводился в несколько этапов (с использованием программного обеспечения IBM SPSS 26):

I этап: первичный анализ показателей выраженности поведенческих паттернов ксенофобии.

II этап: корреляционный анализ по методу Спирмена для выявления взаимосвязи между выраженностью отдельных поведенческих паттернов ксенофобии и показателей возраста, образования, уровня дохода респондентов, религиозных воззрений и их силы, RWA, SDO, профессиональной деятельности, уровня субъективного восприятия психологического благополучия, экономических страхов, идентичности, этнических контактов.

Необходимо уточнить, что для измерения идентичности использовались две отдельные шкалы. Этническая (русская) идентичность измерялась с помощью утверждений, отражающих степень отождествления себя с русской культурой, традициями и этнической общностью. Гражданская (российская) идентичность – через утверждения, которые отражают принадлежность к государственно-гражданской общности России. Респонденты могли оценивать обе шкалы независимо. Высокие баллы по одной шкале не исключали высоких баллов по другой.

III этап: регрессионный анализ, в котором в качестве зависимых переменных выступают результаты исследования поведенческих паттернов поведения, а независимых – возраст, образование, уровень дохода респондентов, религиозные воззрения и их сила, RWA, SDO, профессиональная деятельность, уровень субъективного восприятия психологического благополучия, экономические страхи, этническая (русская) идентичность и гражданская (российская) идентичность, этнические контакты.

Результаты

Проведенный корреляционный анализ по методу Спирмена выявил систематические взаимосвязи между различными формами дискриминационного поведения и социально-психологическими факторами (табл. 1).

При интерпретации результатов регрессионного анализа важно учитывать, что пошаговый метод включения переменных отбирает предикторы, которые вносят уникальный вклад в объяснение дисперсии зависимой переменной, при учете влияния других переменных. Несмотря на отсутствие значимых попарных корреляций между идентичностью и поведенческими паттернами (табл. 1), в регрессионных

Табл. 1. Оценка влияния социально-психологических факторов на поведенческие паттерны и дискриминационные установки
 Tab. 1. Effect of socio-psychological factors on behavioral patterns and discriminatory attitudes

	Возраст	Образование	Доход	Религиозные воззрения	Сила религиозных убеждений	Профессиональная деятельность	Психологическое благополучие	Удовлетворенность жизнью	Экономические страхи	RWA	SDO	Этническая (русская) идентичность	Гражданская (российская) идентичность	Этнические контакты
Избегание общения с приезжими людьми в моем окружении	0,048	0,031	-0,028	-0,078	-0,025	-0,021	0,871**	-0,859**	0,887**	0,871	0,874**	-0,014	-0,023	-0,994**
Негативные замечания или шуточки о мигрантах в разговоре с друзьями или коллегами	0,041	0,055	-0,028	-0,081	-0,035	-0,014	0,872**	-0,857**	0,888***	0,873**	0,866**	-0,017	-0,025	-0,994**
Отказ от услуг в сфере обслуживания, если их владельцы или работники являются приезжими	0,047	0,044	-0,026	-0,0898	-0,028	-0,012	0,871**	-0,859**	-0,887***	0,876**	0,871**	-0,016	-0,026	-0,993**
Избегание совместных мероприятий с мигрантами, например культурных событий или праздников	0,047	0,049	-0,015	-0,086	-0,033	-0,003	0,870**	-0,860**	0,887***	0,887**	0,873**	-0,008	-0,021	-0,993**
Запрет своим детям или родственникам дружить или общаться с приезжими и их детьми	0,042	0,061	-0,034	-0,067	-0,020	-0,016	0,819**	-0,816**	0,835**	0,823**	0,829**	-0,007	-0,018	-0,949**
Участие в акциях или группах, выступающих против миграции	0,026	0,064	-0,014	-0,085	-0,022	-0,011	0,834**	-0,825**	0,831**	0,834**	0,834**	-0,017	-0,025	-0,947**
Выражение недовольства по поводу изменений в моем районе, связанных с увеличением числа мигрантов	0,028	0,002	-0,012	-0,079	-0,013	-0,026	0,816**	-0,815**	0,839**	0,825**	0,826**	0,005	-	-0,945**
Игнорирование достижений и вклада мигрантов в общество	0,066	0,017	-0,016	-0,061	-0,017	-0,033	0,832**	-0,818	0,844**	0,837**	0,845**	-0,021	-0,025	-0,951**
Отказ работать в одном коллективе с приезжими	0,043	0,042	0,061	-0,020	-0,077	-0,056	-0,019	0,817**	0,846**	0,827**	0,829**	-0,003	-0,014	-0,950**
Отказ водить своего ребенка в школу или детский сад, где воспитанники в основном дети мигрантов	0,026	0,021	-0,027	-0,098	-0,023	-0,014	0,836**	-0,827**	0,842**	0,841**	0,849**	0,013	0,009	-0,948**
Избегание приезжих в качестве соседей	0,034	0,066	-0,023	-0,087	-0,087	-0,38	0,006	0,838**	0,853**	0,839**	0,841**	-0,012	-0,006	-0,952**
Отказ рассматривать мигрантов в качестве хороших работников	0,034	0,180	-0,200	-0,075	-0,026	-0,16	0,838**	-0,823	0,857**	0,855**	0,855**	-0,002	-0,016	-0,950**

Прим.: ** - $p < 0,01$; *** - $p = 0,001$.

моделях эта переменная продемонстрировала значимый вклад, что указывает на ее опосредованную или взаимодействующую роль в комплексе с другими факторами. Переменная *этнические контакты* продемонстрировала исключительно высокие корреляции, однако не включалась в финальные регрессионные модели, представленные в таблице 2, чтобы исключить проблему мультиколлинеарности, которая могла исказить оценку вклада других предикторов. Были построены отдельные регрессионные модели, включающие только данный предиктор, которые подтвердили его исключительную прогностическую силу.

Установлена тесная связь переменной *этнические контакты* с другими факторами. Важно отметить, что такая высокая корреляция может отражать не только содержательную сторону явления, но и особенности измерительного инструмента: близость формулировок в анкете и достаточно однородный состав респондентов могли выступить в роли усилителя этой статистической связи. Отдельно построенные регрессионные модели, которые включали только данный предиктор, подтвердили его исключительную прогностическую силу.

Экономические страхи продемонстрировали сильные положительные связи со всеми формами дискриминационного поведения. Наиболее сильная корреляция наблюдается с вербальными проявлениями ксенофобии ($r = 0,888$), что объясняет 78,9 % общей дисперсии. Это свидетельствует о том, что экономическая тревожность является ключевым фактором, детерминирующим дискриминационные установки.

RWA показал равномерно высокие корреляции с различными поведенческими паттернами ($r = 0,825-0,887$). Максимальная связь выявлена с избеганием совместных мероприятий ($r = 0,887$), что составляет 78,7 % объясняемой дисперсии. Это подтверждает теоретическое положение о том, что авторитарные установки являются фундаментальной основой ксенофобского поведения.

SDO имеет несколько более низкие, но остающиеся значимыми корреляции ($r = 0,826-0,874$). Наибольшая связь наблюдается с избеганием общения ($r = 0,874$), объясняя 76,4 % дисперсии. Это указывает на важность иерархических представлений о социальном устройстве в формировании дискриминационных практик.

Удовлетворенность жизнью демонстрирует систематические отрицательные корреляции средней

силы (r от $-0,815$ до $-0,860$). Наиболее сильная обратная связь выявлена с избеганием мероприятий ($r = -0,860$), что составляет 74,0 % объясняемой дисперсии. Это свидетельствует о компенсаторном характере ксенофобии как механизме психологической защиты.

Психологическое благополучие показывает положительные корреляции с дискриминационными паттернами поведения ($r = 0,816-0,872$). Максимальная связь обнаружена с вербальной дискриминацией ($r = 0,872$), объясняя 76,0 % дисперсии.

Этнические контакты имеют исключительно сильные отрицательные корреляции со всеми формами дискриминационного поведения (r от $-0,945$ до $-0,994$). Максимальная обратная связь выявлена с избеганием общения ($r = -0,994$), что объясняет 98,8 % дисперсии. Это убедительно подтверждает контактную гипотезу Г. В. Олпорта, а также подчеркивает важность межгруппового взаимодействия в профилактике дискриминации.

Далее был проведен множественный регрессионный анализ для определения предикторов различных форм дискриминационного поведения. Для каждого поведенческого паттерна была построена отдельная регрессионная модель с пошаговым включением переменных (табл. 2).

Поведенческий паттерн избегания межличностных контактов объясняет 84,5 % дисперсии. Анализ стандартизированных β -коэффициентов показал, что наибольший вклад в предсказание поведения избегания вносят экономические страхи ($\beta = 0,451$). Это свидетельствует о том, что увеличение экономической тревожности на одно стандартное отклонение приводит к росту склонности к избеганию на 0,451 стандартного отклонения. RWA также является значимым предиктором ($\beta = 0,322$), тогда как удовлетворенность жизнью демонстрирует отрицательную связь ($\beta = -0,170$). Этническая (русская) идентичность положительно связана с избеганием ($\beta = 0,216$), в то время как гражданская (российская) идентичность показывает отрицательную связь ($\beta = -0,184$). Возраст вносит минимальный, но статистически значимый вклад ($\beta = 0,047$).

Поведенческий паттерн вербальной дискриминации и негативного оценивания объясняет 83,3 % дисперсии. Экономические страхи являются наиболее мощным предиктором ($\beta = 0,483$), за ними следует RWA ($\beta = 0,295$). Удовлетворенность жизнью демонстрирует отрицательную связь с вербальными проявлениями ксенофобии ($\beta = -0,155$). Модель

не включает демографические переменные, что свидетельствует о преобладающей роли психологических факторов в вербальной дискриминации.

Поведенческий паттерн дискриминации в сфере услуг и потребления объясняет 84,6 % дисперсии. Экономические страхи ($\beta = 0,440$) и RWA ($\beta = 0,321$) являются ключевыми предикторами.

Удовлетворенность жизнью показывает отрицательную связь ($\beta = -0,180$). Также присутствует некоторое усиление дискриминационных установок, связанных с возрастом ($\beta = 0,051$).

Поведенческий паттерн социальной изоляции объясняет 77,9% дисперсии. Экономические страхи являются наиболее значимым предиктором ($\beta = 0,438$).

Табл. 2. Регрессионный анализ дискриминационных установок и поведенческих паттернов с социально-психологическими факторами и оправданиями ксенофобии
Tab. 2. Discriminatory attitudes and behavioral patterns vs. socio-psychological factors and xenophobia justifications: regression analysis

Поведенческие паттерны и дискриминационные установки	Тип поведенческого паттерна	Социально-психологический фактор	Нестандартизованные коэффициенты	Стандартная ошибка	Стандартизованные коэффициенты	t	p	
Избегание межличностных контактов	Избегание общения	Константа	0,950	1,035	-	0,918	0,359	
		Возраст	0,018	0,008	0,047	2,302	0,022	
		Экономические страхи	0,891	0,152	0,451	5,872	0,001	
		RWA	0,631	0,159	0,322	3,976	0,001	
		Удовлетворенность жизнью	-0,886	0,231	-0,170	-3,833	0,001	
		Этническая (русская) идентичность	0,447	0,121	0,216	3,685	0,001	
		Гражданская (русская) идентичность	-0,377	0,120	-0,184	-3,139	0,002	
	$R^2 = 0,845$; $F = 350,293$; $p < 0,001$							
	Избегание совместных мероприятий	Константа	1,440	1,0001	-	1,439	0,151	
		Возраст	0,017	0,008	0,043	2,205	0,028	
		Экономические страхи	0,860	0,147	0,434	5,859	0,001	
		Удовлетворенность жизнью	-1,012	0,224	-0,194	-4,526	0,001	
		RWA	0,630	0,154	0,321	4,104	0,001	
		Этническая (русская) идентичность	0,530	0,177	0,255	4,510	0,001	
		Гражданская (русская) идентичность	-0,454	0,116	-0,221	-3,903	0,001	
	$R^2 = 0,855$; $F = 379,755$; $p < 0,001$							
	Избегание мигрантов в качестве соседей	Константа	1,285	1,009	-	1,274	0,203	
		Экономические страхи	0,630	0,154	0,374	4,087	0,001	
		RWA	0,430	0,157	0,258	2,742	0,006	
		Удовлетворенность жизнью	-0,625	0,224	-0,141	-2,786	0,006	
		Психологическое благополучие	0,362	0,171	0,148	2,117	0,035	
$R^2 = 0,803$; $F = 393,335$; $p < 0,001$								

Поведенческие паттерны и дискриминационные установки	Тип поведенческого паттерна	Социально-психологический фактор	Нестандартизованные коэффициенты	Стандартная ошибка	Стандартизованные коэффициенты	t	p
Вербальная дискриминация и негативное оценивание	Негативные замечания и шутки о мигрантах	Константа	1,489	1,033	-	1,442	0,150
		Экономические страхи	0,958	0,156	0,483	6,135	0,001
		RWA	0,581	0,163	0,295	3,565	0,001
		Удовлетворенность жизнью	-0,811	0,240	-0,155	-3,379	0,001
		$R^2 = 0,833; F = 643,528; < 0,001$					
	Выражение недовольства по поводу поведения мигрантов	Константа	1,843	0,995	-	1,852	0,065
		Экономические страхи	0,871	0,150	0,441	5,810	0,001
		Удовлетворенность жизнью	-0,958	0,230	-0,184	-4,173	0,001
		RWA	0,630	0,157	0,321	4,019	0,001
		Этническая (русская) идентичность	0,442	0,120	0,213	3,685	0,001
		Гражданская (русская) идентичность	-0,371	0,118	-0,181	-3,131	0,002
	$R^2 = 0,847; F = 426,177; p < 0,001$						
	Выражение недовольства по поводу изменений на моем районе, связанных с увеличением числа мигрантов	Константа	2,218	0,991	-	2,238	0,026
		Экономические страхи	0,641	0,149	0,393	4,307	0,001
		RWA	0,540	0,155	0,334	3,471	0,001
		Удовлетворенность жизнью	-0,763	0,229	-0,178	-3,335	0,001
		Этническая (русская) идентичность	0,101	0,041	0,059	2,455	0,015
	$R^2 = 0,776; F = 334,587; p < 0,001$						
	Игнорирование достижений и вклада мигрантов в общество	Константа	1,176	0,994	-	1,184	0,237
		RWA	0,580	0,153	0,350	3,792	0,001
		Экономические страхи	0,687	0,146	0,411	4,696	0,001
		Удовлетворенность жизнью	-0,656	0,224	-0,149	-2,929	0,004
		Возраст	0,020	0,008	0,060	2,601	0,010
	$R^2 = 0,795; F = 375,863; p < 0,001$						
Дискриминация в сфере услуг и потребления	Отказ от услуг в сфере обслуживания	Константа	1,303	1,019	-	1,278	0,202
		Экономические страхи	0,871	0,150	0,440	5,802	0,001
		RWA	0,630	0,157	0,321	4,018	0,001
		Удовлетворенность жизнью	-0,937	0,230	-0,180	-4,080	0,001
		Возраст	0,020	0,008	0,051	2,566	-
$R^2 = 0,846; F = 532,812; p < 0,001$							

Поведенческие паттерны и дискриминационные установки	Тип поведенческого паттерна	Социально-психологический фактор	Нестандартизованные коэффициенты	Стандартная ошибка	Стандартизованные коэффициенты	t	p	
Социальная изоляция	Запрет своим детям или родственникам дружить с мигрантами	Константа	2,082	0,999	–	2,085	0,038	
		Экономические страхи	0,723	0,151	0,438	4,804	0,001	
		Удовлетворенность жизнью	–0,722	0,231	–0,116	–3,131	0,002	
		RWA	0,497	0,157	0,303	3,157	0,002	
		Этническая (русская) идентичность	0,403	0,120	0,233	3,352	0,001	
		Гражданская (российская) идентичность	–0,337	0,119	–0,196	–2,832	0,005	
	$R^2 = 0,779; F = 271,904; p < 0,001$							
	Отказ водить своего ребенка в школу, где обучаются приезжие	Константа	1,798	0,957	–	1,880	0,061	
		RWA	0,457	0,169	0,279	2,709	0,007	
		Экономические страхи	0,541	0,145	0,327	3,718	0,001	
		Удовлетворенность жизнью	–0,703	0,221	–0,161	–3,182	0,002	
		Этническая (русская) идентичность	0,333	0,114	0,192	2,926	0,004	
		Гражданская (российская) идентичность	–0,231	0,112	–0,135	–2,052	0,041	
	SDO	0,251	0,126	0,156	1,998	0,046		
$R^2 = 0,803; F = 262,056; p < 0,001$								
Активное противодействие миграции	Принятие участия в акциях или группах	Константа	1,998	1,010	–	1,979	0,049	
		RWA	0,536	0,157	0,334	3,419	0,001	
		Удовлетворенность жизнью	–0,745	0,225	–0,175	–3,319	0,001	
		Экономические страхи	0,383	0,154	0,237	2,484	0,013	
		Психологическое благополучие	0,399	0,171	0,169	2,332	0,020	
	$R^2 = 0,787; F = 357,051; p < 0,001$							
Дискриминация в профессиональной сфере	Отказ работать в одном коллективе с приезжими	Константа	1,351	0,983	–	1,374	0,170	
		Экономические страхи	0,816	0,149	0,495	5,487	0,001	
		RWA	0,474	0,155	0,290	3,056	0,002	
		Удовлетворенность жизнью	–0,506	0,229	–0,116	–2,213	0,027	
$R^2 = 0,780; F = 459,570; p < 0,001$								

Поведенческие паттерны и дискриминационные установки	Тип поведенческого паттерна	Социально-психологический фактор	Нестандартизованные коэффициенты	Стандартная ошибка	Стандартизованные коэффициенты	t	p
Дискриминация в профессиональной сфере	Отказ рассматривать мигрантов в качестве хороших работников	Константа	1,363	1,000	–	1,363	0,174
		Экономические страхи	0,647	0,153	0,389	4,243	0,001
		Удовлетворенность жизнью	–0,684	0,221	–0,156	–3,095	0,002
		RWA	0,382	0,155	0,232	2,471	0,014
		Этническая (русская) идентичность	0,459	0,114	0,263	4,024	0,001
		Гражданская (российская) идентичность	–0,388	0,113	–0,225	–3,447	0,001
		Психологическое благополучие	0,358	0,169	0,148	2,117	0,035
		R ² = 0,805; F = 265,028; p < 0,001					

RWA вносит существенный вклад ($\beta = 0,303$), тогда как удовлетворенность жизнью показывает отрицательную связь ($\beta = -0,116$). Этническая (русская) идентичность положительно связана с изоляционистскими установками ($\beta = 0,233$), в то время как гражданская (российская) идентичность демонстрирует отрицательную связь ($\beta = -0,196$).

Поведенческий паттерн активного противодействия миграции объясняет 78,7 % дисперсии. RWA является наиболее мощным предиктором ($\beta = 0,334$). Удовлетворенность жизнью показывает отрицательную связь ($\beta = -0,175$). Экономические страхи ($\beta = 0,237$) и психологическое благополучие ($\beta = 0,169$) также вносят значимый вклад. Положительная связь психологического благополучия с активным противодействием миграции требует дополнительного исследования.

Поведенческий паттерн дискриминации в профессиональной сфере объясняет 80,5 % дисперсии. Экономические страхи являются ключевым предиктором ($\beta = 0,389$). Удовлетворенность жизнью показывает отрицательную связь ($\beta = -0,156$). RWA вносит значительный вклад ($\beta = 0,232$). Этническая (русская) идентичность положительно связана с дискриминационными установками ($\beta = 0,263$), тогда как российская идентичность демонстрирует отрицательную связь ($\beta = -0,225$). Психологическое благополучие показывает положительную связь ($\beta = 0,148$).

Дополнительный анализ с включением переменной этнических контактов показал исключительно высокую предсказательную силу. Для всех поведенческих паттернов этнические контакты являются наиболее мощным негативным предиктором (β от $-0,765$ до $-0,855$). Модели с включением этнических контактов объясняют от 89,2 % до 96,6 % дисперсии, что подчеркивает важное значение межгруппового взаимодействия в профилактике дискриминационного поведения.

Полученные результаты демонстрируют комплексный характер детерминации ксенофобского поведения, где ключевую роль играют как идеологические установки (RWA), так и социально-экономические факторы (экономические страхи), а также переменные межгруппового взаимодействия (этнические контакты). Выявленные закономерности демонстрируют эмпирическую базу для разработки интеграции по снижению ксенофобских настроений в социуме.

Заключение

Выявлена сложная и многомерная природа детерминации ксенофобских установок и дискриминационного поведения в современном российском социуме. Эмпирически подтверждено, что данный феномен обусловлен переплетением идеологических, социально-экономических, идентификационных и ситуационных факторов.

Ключевыми детерминантами дискриминационного поведения выступили экономические страхи, идеологические установки и низкая удовлетворенность жизнью. Экономические страхи продемонстрировали наиболее сильные и устойчивые положительные связи со всеми формами дискриминации, что доказывает роль воспринимаемой угрозы материальному благополучию и конкуренции за ресурсы как мощного двигателя реалистического группового конфликта. RWA и SDO оказались фундаментальными идеологическими основаниями ксенофобии. Высокий RWA предсказывает стремление к избеганию мигрантов, а SDO тесно связан с установками на доминирование и оправдание неравенства. Систематическая отрицательная связь удовлетворенности жизнью с дискриминационными паттернами указывает на компенсаторный характер ксенофобии, которая может выступать механизмом психологической защиты и проекции собственных неудач на внешние, уязвимые группы.

Важным открытием стала дифференцированная роль идентичности. Этническая (русская) идентичность выступила значимым позитивным предиктором дискриминационных установок, что согласуется с принципом противопоставления *свои – чужие*. Гражданская (русская) идентичность, напротив, показала устойчивую отрицательную связь с ксенофобией, выступая фактором интеграции. Наиболее мощным протективным фактором, значительно превосходящим по силе влияния все остальные, оказались позитивные этнические контакты. Их исключительно высокие отрицательные корреляции со всеми формами дискриминации представляют убедительное эмпирическое подтверждение гипотезы контакта Г. В. Олпорта, доказывая, что непосредственное позитивное межгрупповое взаимодействие является ключевым инструментом разрушения стереотипов.

Результаты вносят вклад в развитие теории социального доминирования, авторитаризма и межгрупповых отношений, конкретизируя их применительно

к российскому культурному контексту. В будущем на их основе можно разработать программы по снижению межгрупповой напряженности, ориентированные на снижение экономической тревожности, обеспечение воспринимаемой справедливости, стимулирование позитивных межгрупповых контактов, развитие общей гражданской идентичности, а также информационную работу по деконструкции дискриминационных нарративов.

Особенности исследовательской выборки могут ограничивать генерализацию результатов на все население. Кроме того, кросс-секционный дизайн не позволяет устанавливать причинно-следственные связи, а лишь фиксирует устойчивые корреляционные зависимости. Таким образом, эффективная борьба с ксенофобией требует комплексного подхода, направленного одновременно на экономическую, идеологическую и коммуникативную сферы общественной жизни, с акцентом на формирование позитивного межгруппового взаимодействия и конструктивной общегражданской идентичности.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00529 «Социально-психологические механизмы и факторы поддержки дискриминационных установок: межпоколенный анализ». <https://rscf.ru/project/24-28-00529/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00529: Socio-psychological mechanisms and factors of support for discriminatory attitudes: Intergenerational analysis, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00529/>

Литература / References

- Баринов Д. Н. Тревоги и опасения россиян в условиях социально-экономического кризиса. *Бюллетень науки и практики*. 2018. Т. 4. № 12. С. 541–552. [Barinov D. N. Anxiety and fears Russia's population in the socio-economic crisis. *Bulletin of Science and Practice*, 2018, 4(12): 541–552. (In Russ.)] <https://doi.org/10.5281/zenodo.2278601>
- Бубновская О. В. Исследование взаимосвязи ценностных и смысложизненных ориентаций студентов. *Система ценностей современного общества*. 2016. № 25. С. 167–173. [Bubnovskaya O. V. Value vs. life-meaning

- orientations in university students. *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva*, 2016, (25): 167–173. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rqrmcp>
- Григорьев Д. С. Разработка короткой версии шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир. *Национальный психологический журнал*. 2017. № 4. С. 30–44. [Grigoryev D. S. Development of a short version of the dual process model scales: Right-wing authoritarianism, social dominance orientation, dangerous and competitive worldviews. *National Psychological Journal*, 2017, (4): 30–44. (In Russ.)] <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0403>
- Гулевич О. А., Агадуллина Е. Р., Хухлаев О. Е. Одобрение групповой иерархии: русскоязычная версия шкалы для измерения ориентации на социальное доминирование. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. Т. 15. № 3. С. 407–426. [Gulevich O. A., Agadullina E. R., Khukhlaev O. E. Approval of group hierarchy: Russian version of social dominance orientation scale. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2018, 15(3): 407–426. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2018-3-407-426>
- Гулевич О. А., Аникеенок О. А., Безменова И. К. Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. Т. 11. № 2. С. 68–89. [Gulevich O. A., Anikeenok O. A., Bezmenova I. K. Social beliefs: Adaptation of J. Duckitt's scales. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2014, 11(2): 68–89. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/twhxnf>
- Дробижева Л. М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость. *Россия реформирующаяся*. 2002. № 2. С. 213–244. [Drobizheva L. M. The Russian and ethnic identities: Opposition or compatibility. *Rossia Reformiruiushchiasia*, 2002, (2): 213–244. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pdhldf>
- Егорова М. С. Феномен ксенофобии: социально-психологический аспект. *Форум молодых ученых*. 2018. № 3. С. 148–157. [Egorova M. S. The phenomenon of xenophobia: Socio-psychological aspect. *Forum molodykh uchennykh*, 2018, (3): 148–157. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xogypb>
- Карцева М. А., Кузнецова П. О. Здоровье, доходы, возраст: эмпирический анализ неравенства в здоровье населения России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 2. С. 160–185. [Kartseva M. A., Kuznetsova P. O. Health, income, age: Empirical analysis of health inequality in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2023, (2): 160–185. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14515/MONITORING.2023.2.2355>
- Кашпур В. В., Ракин И. А. Опыт сравнительного анализа измерения религиозности человека с использованием методов анализа цифровых следов и онлайн-опроса. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2024. Т. 8. № 3. С. 314–323. [Kashpur V. V., Rakin I. A. Experience in comparative analysis of measuring human religiosity using digital footprint analysis and online surveys. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, 2024, 8(3): 314–323. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-3-314-323>
- Колесникова О. А., Панкратьев А. А. Особенности конкуренции на рынке труда с участием иностранных мигрантов. *Регион: системы, экономика, управление*. 2019. № 1. С. 99–105. [Kolesnikova O. A., Pankratiev A. A. The peculiarities of competition in the labour market with the participation of foreign migrants. *Region: Sistemy, ekonomika, upravlenie*, 2019, (1): 99–105. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jkxeum>
- Кушнерук С. Л. Telegram как социально-политическое и языковое явление: география и проблематика новейших исследований. *Политическая лингвистика*. 2023. № 4. С. 12–24. [Kushneruk S. L. Telegram as political, social and linguistic phenomenon: Geography and problems of the latest research. *Political Linguistics*, 2023, (4): 12–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bjjupn>
- Почебут Л. Г., Безносков Д. С. Психология восприятия социальной дистанции в отношении разных стран мира: взгляд из России. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 1. С. 66–84. [Pochebut L. G., Beznosov D. S. Perception psychology on social distance to different countries: Russian view. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2018, 18(1): 66–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-1-66-84>
- Рыжова С. В. Религиозность и вопросы межэтнических отношений в России. *Власть*. 2018. Т. 26. № 9. С. 80–84. [Ryzhova S. V. Religiosity and issues of interethnic relations in Russia. *Vlast'*, 2018, 26(9): 80–84. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywgtnd>

- Шамионов Р. М. Роль гражданской идентичности, религиозности, пола и образования в приверженности молодежи к различным формам социальной активности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2023. Т. 20. № 1. С. 7–23. [Shamionov R. M. The role of civic identity, religiosity, sex, and education in young people's commitment to various forms of social activity. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2023, 20(1): 7–23. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-1-7-23>
- Allport G. W. *The nature of prejudice*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1954, 537.
- Bubnova N. A. The correlation between the concepts of linguistic effect and manipulation of consciousness. *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, (1). <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.37.36>
- Duckitt J. Differential effects of right wing authoritarianism and social dominance orientation on outgroup attitudes and their mediation by threat from and competitiveness to outgroups. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2006, 32(5): 684–696. <https://doi.org/10.1177/0146167205284282>
- Duckitt J., Sibley C. G. The dual process motivational model of ideology and prejudice. *The Cambridge handbook of the psychology of prejudice*, eds. Sibley C. G., Barlow F. K. Cambridge: Cambridge University Press, 2016, 188–221. <https://doi.org/10.1017/9781316161579.009>
- Hall D. L., Matz D. C., Wood W. Why don't we practice what we preach? A meta-analytic review of religious racism. *Personality and Social Psychology Review*, 2010, 14(1): 126–139. <https://doi.org/10.1177/1088868309352179>
- Kteily N. S., Hodson G., Dhont K., Ho A. K. Predisposed to prejudice but responsive to intergroup contact? Testing the unique benefits of intergroup contact across different types of individual differences. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2017, 22(1). <https://doi.org/10.1177/1368430217716750>
- Pettigrew T. F., Tropp L. R. How does intergroup contact reduce prejudice? Meta-analytic tests of three mediators. *European Journal of Social Psychology*, 2008, 38(6): 922–934. <https://doi.org/10.1002/ejsp.504>
- Sibley C. G., Duckitt J. Big-five personality, social worldviews, and ideological attitudes: Further tests of a dual process cognitive-motivational model. *The Journal of Social Psychology*, 2009, 149(5): 545–561. <https://doi.org/10.1080/00224540903232308>
- Sidanius J., Pratto F. *Social dominance: An intergroup theory of social hierarchy and oppression*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, 403. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139175043>
- Van Zomeren M., Winnifred L. R. Culture meets collective action: Exciting synergies and some lessons to learn for the future. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2017, 20(3): 277–284. <https://doi.org/10.1177/1368430217690238>
- Verkuyten M. "We need them, they need us": Perceived indispensability and intergroup relations. *Review of General Psychology*, 2024, 28(1): 67–80. <https://doi.org/10.1177/10892680231224403>
- Wilson M. S., Liu J. H. Social dominance orientation and gender: The moderating role of gender identity. *British Journal of Social Psychology*, 2003, 42(2): 187–198. <https://doi.org/10.1348/014466603322127175>